

Всю дорогу назад Гу Сяодун кипел от злости. Случившееся казалось ему верхом абсурда; он испытывал не столько страх, сколько глубочайшее потрясение. Его чистый разум еще не связывал произошедшее с влечением, плотскими утехами или похотью — он лишь без умолку бормотал ругательства в адрес безвестного выродка.

Впрочем, о благодарности к ехавшему рядом Гэ Дунченью он тоже не забыл: то и дело выкрикивая гневное «извращенец проклятый!», он тут же оборачивался и кротко добавлял: «Спасибо тебе, брат Дунчень». Сяодун и не замечал, что обычно улыбчивый и разговорчивый Гэ Дунчень всю дорогу молчал, словно окаменев в глубокой задумчивости.

Под аккомпанемент бесконечных ругательств Сяодуна экипаж неторопливо доехал до поместья Гу и остановился у ворот Академии Широкого Благодеяния. Только когда пришло время спускаться на землю, Гу Сяодун понял, что подвернул ногу — должно быть, когда сломя голову летел вниз по ступеням башни.

Увидев это, слуги бросились вперед, собираясь перенести юношу на руках, но Гэ Дунчень властным жестом отогнал их и шагнул вперед сам:

— Забирайся ко мне на спину.

Сяодун отчаянно замахал руками:

— Не нужно, я и на одной ноге допрыгаю!

— И кем ты себя возомнил, кроликом? — Гэ Дунчень ласково, но твердо взъерошил ему волосы на макушке. — В ту ночь, когда ты напился, я уже нес тебя на себе. Из-за этого званого ужина тебе пришлось пережить немалый страх. В этом есть и моя вина, и вина Юньцзи. Позволь мне хоть как-то загладить ее.

— Но вы-то с братом Юньцзи ни при чем! Кто же знал, что в Чанло кишмя кишат такие омерзительные извращенцы, от которых житья нет!

Сяодун снова в сердцах сплюнул. Гэ Дунчень молча послушал его причитания, а затем просто подошел, подхватил его под бедра и закинул себе на спину.

От неожиданности Сяодун покачнулся и, испугавшись падения, спешно обвил руками его шею. Похлопав Дунченья по плечу, он робко забормотал:

— Брат Дунчень, я вообще-то тяжелый. Может, лучше все-таки сам?

— Куда там тяжелый, в тебе весу как в котенке, — Гэ Дунчень слегка подбросил его, устраивая поудобнее, и зашагал уверенной, твердой походкой. — Как ты умудрился только сейчас заметить? По дороге назад нога разве совсем не болела?

— Да как-то не чувствовалось... — Сяодун от легкой тряски покрепче прижался к его плечу и вдруг принюхался. — Брат Дунчень, у тебя от воротника так приятно пахнет. Знакомый какой-то аромат.

Гэ Дунчень тихо усмехнулся:

— Знакомый, говоришь?

Намек был более чем прозрачным: именно эти благовония курились в той злополучной комнате. Однако мысли Сяодуна, как обычно, улетели совершенно в другое русло:

— Брат Дунчень, а почему у тебя сердце так колотится? Неужели я все-таки такой тяжелый и тебе трудно?

Гэ Дунчень на миг замер:

—... Разве быстро?

Сяодун прижал два пальца к сонной артерии на его шее и удивленно охнул:

— Ого, и правда как сумасшедший стучит! Ты не заболел?

У Гэ Дунчenea разболелась голова. На его спине лежал этот теплый, доверчивый маленький дуралей, которому и делать-то ничего не требовалось — само его присутствие лишало покоя и заставляло сердце совершать кульбиты. Дунчень отчаянно пытался сохранить маску невозмутимости, но кончик его языка невольно скользнул по клыку. Внутри него бушевала буря, а в груди ворочался голодный, хищный зверь.

— Нет, не заболел. Должно быть, вино виновато, — выдавил улыбку Гэ Дунчень. Его глаза, потемневшие от едва сдерживаемого желания, неотрывно следили за дорогой под ногами. Он старался говорить как можно непринужденнее: — Прости, что выбрал такое паршивое место. Из-за меня тебе пришлось пережить весь этот кошмар в Башне Свечных Грёз. В следующий раз мы выберем более надежное заведение.

Оказавшись в родных стенах поместья Гу, Сяодун вновь почувствовал себя в безопасности и сразу же приободрился:

— Да ладно тебе, место-то замечательное! Просто пара мерзавцев все испортила. Башня Свечных Грёз отличная, если ребята еще раз соберутся туда, я с радостью пойду. Только в следующий раз возьму с собой кого-нибудь сильного. Если опять встречу того выродка, мой защитник быстро спустит с него шкуру!

Гэ Дунчень снова стиснул зубы, с трудом сдерживая рвущуюся наружу досаду:

— Кого же ты позовешь? Цзиньюя?

Сяодун поначалу и не думал о своем названом брате, но, услышав это имя, радостно закивал:

— Точно! Позову его. С ним еще и Догоревший фитиль, его верный кречет — с такой компанией я буду в абсолютной безопасности!

Гэ Дунчень изнутри захлестнула такая волна ревности, что он едва удержался от стога. Он и сам не понимал, откуда в нем столько едкой горечи — впрочем, точно так же Гуань Юньцзи не мог простить Дунченью его собственного поцелуя с Сяодуном. А все потому, что до них Сяодун уже целовал Гу Цзиньюя. Собственные чувства приводили Дунчень в ярость.

А Сяодун все продолжал болтать, увлеченно расписывая, как его верный названный брат уложил бы обоих извращенцев на лопатки и заставил пожалеть о содеянном.

Стиснув зубы, Гэ Дунчень едва сдержал безумный порыв признаться прямо сейчас: «А что, если один из этих извращенцев стоит перед тобой?» Но едва эта мысль оформилась в голове, как Сяодун, закончив свои рассуждения, привалился щекой к его плечу и сладко, протяжно зевнул, точь-в-точь как котенок, который только что выпускал коготочки, а теперь безмятежно засыпал.

Гнев Дунченья мгновенно улетучился. Он невольно замедлил шаг, бережно неся свою ношу сквозь залитые лунным светом галереи. Взглянув на усыпанное звездами небо, он только сейчас осознал, насколько поздний уже час.

Ему вдруг отчаянно захотелось, чтобы Сяодун заснул прямо у него на спине. Сейчас рядом не было ищейки Юньцзи, караулившего каждый шаг. Он мог бы отнести его в свои покои, уложить и охранять его сон. Он бы не позволил себе ничего лишнего — лишь сидел бы рядом и любовался этим маленьким глупцом. Рассматривал бы до мельчайших черточек это лицо, которое раз за разом заставляло его терять голову.

Но Сяодун и не думал засыпать. Покончив с зевотой, он вновь принялся весело щебетать, выражая благодарность за помощь. То ли у него была невероятно крепкая психика, то ли в голове действительно не хватало пары шестеренок, но даже после всего пережитого он оставался легким и беззаботным, словно теплый весенний ветерок.

Гэ Дунчень не понимал, почему этот ветерок никогда не ласкает его самого. Ему хотелось спросить, почему Сяодун вечно дичится его, но он сдержался. Пока этот вопрос оставался без ответа, у него всегда был повод для собственного безумия.

Когда они добрались до покоев Сяодуна, его личные слуги даже не удивились визиту гостя —

лишь молча и понимающе отступили в сторону.

Дунчень бережно опустил Сяодуна на кушетку и первым делом осмотрел его шею. След от зубов был глубоким, но кожа осталась целой: Гуань Юньцзи при всей своей спеси оказался трусом и не посмел зайти слишком далеко. Затем Дунчень опустился на одно колено, собираясь осмотреть подвернутый голеностоп, но Сяодун шутливо уперся ладонью ему в макушку и мягко оттолкнул.

Гэ Дунчень поднял глаза и встретил его чистый, сияющий взгляд:

— Брат Дунчень, спасибо тебе огромное. Уже совсем поздно, не стоит обо мне беспокоиться. Возвращайся к себе и хорошенько отдохни, у тебя ведь наверняка завтра куча дел.

Дунчень молча смотрел на него несколько секунд, а затем со вздохом улыбнулся:

— Хорошо. Давай еще немного поболтаем, и я уйду.

«Снова выпроваживает меня».

— И о чем же? — любопытствовал Сяодун.

Гэ Дунчень продолжал стоять перед ним на одном колене. Сделав вид, что задумался, он неторопливо произнес:

— Сяодун, а тебе не приходило в голову, что тот, кто посмел распустить руки, вовсе не чужак? Что это был кто-то из нашей сегодняшней компании?

Сяодун от удивления округлил глаза, его лицо превратилось в живую маску недоверия:

— Быть такого не может, брат Дунчень! Кое-кто из однокашников, конечно, не прочь напакостить, но они точно не извращенцы. Мы ведь все просто неотесанные мальчишки... Ну, кроме молодого господина Су, разумеется.

Гэ Дунчень лишь мысленно усмехнулся.

— Для парней толкаться и драться — обычное дело, — продолжил Сяодун, указывая пальцем на свои губы. — Но вот это... это же совсем за гранью! Лично я бы никогда не додумался поцеловать кого-то ради глупой шутки. Это же какая жертва ради розыгрыша!

Дунчень прижал язык к клыку и тихо рассмеялся:

— Мир полон дурных людей, глупыш. А что, если у каждого в нашей академии есть своя темная, ненормальная сторона?

Взгляд Сяодуна был слишком невинным, и Гэ Дунчень просто не знал, как объяснить ему очевидное. Он и сам не ожидал, что ситуация пойдет так далеко. Да, изначально именно он из чистой вредности подговорил остальных объявить Сяодуну бойкот. Ему хотелось сломить этого мальчишку, заставить его склонить голову перед ним, перед всем Чанло — стереть эту вечную наивную улыбку и погасить бесстрашный огонек в глазах. Дунчень вырос в военных лагерях, в сугубо мужском закрытом обществе, и прекрасно знал, как ломают неугодных.

Но академия оказалась не казармой, да и Сяодун гнуться не желал.

В этих стенах учились отпрыски влиятельнейших семейств, и ни один из них не отличался кротким нравом. Юношеская кровь бурлила, пробуждающиеся плотские желания требовали выхода, а жесткая сословная иерархия диктовала свои негласные правила: сильный и знатный имеет право подминать под себя слабого и безродного.

И Гу Сяодун идеально подходил на роль жертвы. Ничтожный статус, хрупкое телосложение — казалось, он не способен дать отпор. Но хуже всего было то, что он обладал на редкость притягательной, неуместной здесь красотой. В нем удивительным образом уживались девичья миловидность и чисто мальчишеское упрямство, рождавшие ощущение поразительной прочности: казалось, сколько его ни ломай, он не сломается. Хотя он и носил фамилию Гу, но между ним и законными наследниками князя лежала непреодолимая пропасть. К тому же Гэ Дунчень с самого начала выказал ему враждебность, лишив всякой поддержки.

И золотая молодежь Чанло решила позабавиться с ним вовсю.

Та ночь у искусственной горки была лишь первой пробой сил, неизбежным шагом к более жестоким забавам. Упрямство Сяодуна лишь подстегивало охотничий азарт: чем сильнее добыча бьется в силках, тем интереснее игра. Когда Гэ Дунчень опомнился, он уже сам успел украсть поцелуй у пьяного мальчишки, став полноправным соучастником этой травли.

Они с Гуань Юньцзи могли без труда натравить на Сяодуна всю академию, но были не в силах сдержать пробудившихся в толпе зверей. Да и как они могли остановить других, если не могли совладать с самими собой?

Сяодун непонимающе посмотрел на него и, потеряв подбородок, склонил голову набок:

— Брат Дунчень, ты ведь не спрашиваешь, ты говоришь это с такой уверенностью... Ладно, предположим, ты прав. Допустим, у всех этих изнеженных господ действительно не все дома... Ну, кроме молодого господина Су, конечно.

Гэ Дунчень лишь молча скрипнул зубами.

— И если эти два извращенца действительно учатся со мной, что мне, по-твоему, делать? — Сяодун погрозил кулаком невидимому врагу. — Выследить их, написать жалобы их высокопоставленным родителям, чтобы те всыпали им как следует дома?

Гэ Дунчень закрыл лицо рукой и разразился тихим, безудержным смехом.

Сяодуну ничего не оставалось, кроме как растерянно улыбнуться в ответ. Ткнув пальцем в широкую ладонь Дунчентя, он спросил:

— Что, совсем глупая затея?

— Для тебя — совершенно бесполезная, — плечи Дунчентя все еще подрагивали от смеха. — Прежде чем планировать месть этим господам, подумай вот о чем: кто за тебя заступится? Если ты пожалуешься семье Гу на то, что тебя домогались, как, по-твоему, поступит князь Гу Янь и его супруга? Неужели они затеют грандиозный скандал, опозорят цвет столичной знати ради безродного сироты? Или же просто запрут тебя дома, выставив виноватым?

Сяодун опешил.

— Ты сидишь на самой последней парте. Безродный приемыш, живущий из милости. Когда тебе хотят польстить, тебя называют молодым господином и кузеном. А когда маски сброшены, как они тебя зовут?

— «Дрянной выродок», «деревенщина», — тихо отозвался Сяодун.

А за глаза и вовсе шептались: «смазливый мальчишка для утех».

— Ты можешь и дальше упрямиться и лезть на рожон, но в одиночку тебе против них не выстоять. Рано или поздно они тебя сломают, — тон Гэ Дунчентя стал предельно серьезным. — У тебя лишь два пути: либо умолять князя и его супругу забрать тебя из Академии Широкого Благодеяния, либо найти в этих стенах того, кто согласится тебя защищать.

Сяодун растерянно коснулся пальцами укуса на шее, вспоминая, как второй безумец прижал его к стене. Рука, державшая его за затылок, определенно принадлежала сверстнику.

Если слова Гэ Дунчентя — правда, и те двое действительно его однокашники...

Лицо Сяодуна исказилось от глубочайшего отвращения. Впрочем, притворяться и скрывать свои чувства он никогда не умел.

Гэ Дунчень продолжал сидеть на корточках перед юношей, ничуть не заботясь о том, что тот смотрит на него сверху вниз. Забавная гримаса Сяодуна — точь-в-точь как у домашнего

котенка, наткнувшегося на бродячего пса — вызвала у него невольную улыбку.

Сяодун брезгливо затряс руками, словно пытался стряхнуть невидимую грязь:

— Брат Дунчень, спасибо, что просветил. Я вырос совсем в другом мире, так что, наверное, ты прав. Спасибо за предупреждение.

Дунчень поднялся на ноги, решив не затягивать прощание:

— Тогда позови слуг, пусть займутся твоей ногой. А мне пора. Хорошенько отдохни.

— Брат Дунчень!

Тот обернулся, почувствовав, как в груди затеплилась слабая надежда. Если бы Сяодун сейчас попросил его или Гуань Юньцзи о покровительстве, он бы согласился не раздумывая. Ведь помимо них оставался разве что Су Минья, но этот изнеженный господин лишь забавлялся зрелищем и никогда бы не стал пачкать руки ради защиты какого-то приемыша.

— Пожалуйста, пусть то, что случилось сегодня, останется между нами, — Сяодун неловко почесал затылок. — Я верю, что ты не станешь трепаться о моем позоре. Но в карете я сболтнул лишнего... ну, насчет меня и Цзиньюя... В общем, умоляю, держи это в секрете!

Сяодун молитвенно сложил ладони и принялся истово кланяться.

Гэ Дунчень лишился дара речи.

Так вот ради чего его остановили — чтобы он не проболтался об их с Гу Цзиньюем первом поцелуе.

О поцелуе.

О первом поцелуе.

Сделав глубокий вдох, Гэ Дунчень натянул вежливую улыбку:

— Разумеется. Можешь не беспокоиться.

И с этими словами он мрачно зашагал прочь.

Сяодун проводил его взглядом. Вскоре в покои вошел Фэнъэнь. Осмотрев поврежденную

лодыжку господина, он принялся готовить воду для умывания.

— Не суетись, — Сяодун пошевелил пальцами пострадавшей ноги. — Ничего страшного, перед сном сам немного разомну. И мази переводить не нужно.

В конце концов, будучи целебным человеком, он обладал особым телом, на которое обычные лекарства попросту не действовали. Зачем зря тратить притирания?

— Фэнъэнь, я хочу спросить тебя об одной вещи, — Сяодун похлопал себя по бедру с видом ученого, приступающего к сложной дискуссии. — Если исключить случаи, когда нужно сделать искусственное дыхание ради спасения жизни... Если один мужчина целует другого в губы, что это означает?

Фэнъэнь ответил с привычным мягким спокойствием:

— Либо любовь, либо похоть. Но зная скверную мужскую природу, в большинстве случаев это обычная похоть, господин.

Лицо Сяодуна снова исказилось в забавной гримасе недоумения и брезгливости.

Фэнъэнь не стал расспрашивать о причинах столь странного вопроса, а лишь ровно предложил:

— Желает ли молодой господин обучиться этому?

— Обучиться чему?

— Искусству близости между мужчинами.

В голове у Сяодуна словно разорвался снаряд. Пораженно указав на себя пальцем, он воскликнул:

— Фэнъэнь... Но я же мужчина! Да, сто лет назад Император Сюйгуан провозгласил своим супругом мужчину, и с тех пор союзы между двумя мужами или двумя девами перестали быть диковинкой. Но ведь большинство людей все еще создают традиционные семьи, берут в жены женщин и воспитывают детей! С чего вдруг ты заговорил об этом?

Стоило помнить, что Фэнъэня к нему приставила сама госпожа Ань Жои, которая перед отъездом строго-настрого велела Сяодуну во всем слушаться этого слуги. Раньше Сяодун недоумевал, почему Фэнъэнь почти ничему его не учит — разве что полмесяца назад прочитал длинную нотацию о правилах приличия и покорности старшим.

— Я намеревался завести этот разговор, когда господин немного повзрослеет, — спокойно продолжал Фэнъэнь, глядя на него безмятежным взглядом. — Но раз вы проявили интерес, я готов обучить вас искусству спальных покоев — как с мужчинами, так и с женщинами. Эти тайные практики рано или поздно пригодятся вам. Жизнь непредсказуема.

Сяодун беззвучно открыл и закрыл рот, уставившись в пространство.

Эти слова Фэнъэня ранили его куда сильнее и глубже, чем все мрачные пророчества Гэ Дунчэня вместе взятые.

\*\*\*

Незаметно пролетел май, уступив место душному июню.

Гу Сяодун вернулся к занятиям, все еще заметно прихрамывая. Воротник его одеяния был наглухо застегнут под самым кадыком, скрывая так и не сошедший след от зубов. После происшествия в Башне Свечных Грёз он стал подозрительным и теперь тайком разглядывал каждого однокашника. Если тот проклятый насильник учился вместе с ним, то от сокрушительного удара лбом, которым Сяодун наградил его при побеге, на голове негодяя обязательно должна была вскочить здоровенная шишка!

Увы, промучившись все утро, он так и не обнаружил ни у кого признаков травмы. Похоже, эти столичные господа превосходили его не только знатностью, но и прочностью черепных коробок.

Тогда Сяодун попытался сопоставить рост и голос: нападавший был значительно выше его и говорил хриплым, низким басом. Но и тут совпадений не находилось.

В глубине души затеплилась робкая надежда, что среди его соучеников все же нет столь пропащих подлецов. Однако суровая реальность настигла его в тот же день.

Из-за больной ноги он решил пропустить урок боевых искусств и после утренних занятий не спеша побрел обратно во Двор учеников. На повороте крытой галереи на него внезапно налетели и набросили на голову мешок. Сопровождавший его служака едва успел пискнуть, как ему тут же зажали рот.

Сяодун отчаянно забился, ожидая, что его сейчас начнут избивать, как тогда у фальшивой горки. Однако вместо ударов на него обрушился град наглых прикосновений под аккомпанемент похотливого шепота и издевательских смешков. Каким бы наивным он ни был, не заметить грязного подтекста этих ласк было невозможно.

На этот раз рядом не оказалось Гэ Дунчэня, способного вырвать его из лап мучителей. Сяодуна колотило от ярости и унижения. Лишь спустя пару минут, когда нападавшие скрылись, он

дрожащими руками сорвал с головы мешок. Кое-как приведя в порядок растрепанную одежду, он принялся звать своего слугу. Тот в страхе прибежал из кустов у галереи; на его запыленном халате отчетливо виднелся след от чужого сапога.

Стиснув зубы, Сяодун поднялся, опираясь о стену:

— Кто тебя ударил? Сколько их было — трое или четверо?

Служка торопливо помог ему встать, а затем с тихим плачем повалился в ноги:

— Господин Гу, умоляю, не спрашивайте! Если я промолчу, вы меня не убьете. Но если я назову их имена, эти господа сделают так, что я не увижу завтрашнего рассвета!

Он принялся отчаянно бить поклоны, и Сяодуну ничего не оставалось, кроме как велеть ему подняться.

Злость душила его. Сгорая от негодования, он приказал слуге вести его к управляющему Чжу Ми. Однако по дороге пыл поутих, сменившись растерянностью: он просто не понимал, кому и как жаловаться.

Чжу Ми подчинялся исключительно князю Гу Яню и госпоже Ань Жои. Расскажи он все князю, тот вполне мог снова запереть его в темном чулане за неподобающее поведение. А княгиня? Станет ли она заступаться за него? Вряд ли, ведь ее доверенный слуга Фэньэнь только вчера предлагал обучить его постельным утехам.

Растерянно потирая затылок, Сяодун переступил порог кабинета управляющего. Прежде чем тот успел открыть рот, юноша натянуто улыбнулся и засыпал его пустой болтовней:

— Управляющий Чжу, вы не очень заняты? Время обеда подошло, вы уже поели?

Чжу Ми усадил его за стол:

— Что у вас с ногой, молодой господин?

— Пустяки, оступился по глупости, — Сяодун лихорадочно соображал, с чего начать разговор.  
— А... четвертый молодой господин Цзиньюй сейчас очень занят? Он уже вернулся в императорский дворец к своим обязанностям компаньона?

Он надеялся прощупать почву через пустяковый расспрос, но заметил, как обычно бесстрастное лицо Чжу Ми на мгновение исказилось тенью беспокойства. Сердце Сяодуна испуганно екнуло:

— Что-то случилось? С Цзиньюем стряслась беда?

Чжу Ми не долго колебался, понимая, что скрывать правду бессмысленно, и тихо произнес:

— Четвертый молодой господин совершил тяжкий проступок за пределами столицы. Сейчас он заперт в закрытом чулане поместья.

В памяти Сяодуна мгновенно всплыли слова, сказанные Гу Цзиньюем при их последней встрече: «Отец вызывает меня, впереди не меньше полумесяца трудных дел...» Оказывается, под этими «делами» скрывалось тюремное заточение.

— Но ведь прошло уже полмесяца! — Сяодун оцепенел. — Князь до сих пор держит его под замком?

— Боюсь, его не выпустят еще как минимум столько же, — вздохнул Чжу Ми.

Эти слова прозвучали для Сяодуна подобно грому среди ясного неба. Последние крупницы его надежд рассыпались прахом, оставив лишь гнетущую пустоту, подобную темным стенам, в которых томился его друг.

— Вас это не касается, — мягко попытался успокоить его Чжу Ми. — Не пытайтесь ему помочь, здесь никто не властен что-либо изменить. В поместье Гу воля князя непреклонна. Четвертый молодой господин должен понести наказание, но он силен духом и со всем справится. Рано или поздно это закончится.

Сяодун сидел ни жив ни мертв. Когда на него набросили мешок, ему было страшно и дико, но он не проронил ни слезинки. Теперь же, выслушав Чжу Ми, он не выдержал и горько расплакался.

— Неужели я совсем ничего не могу сделать для Сэньцина?

Чжу Ми не сразу понял, о ком речь — имя Сэньцин он слышал впервые, но догадался, что это личное имя Гу Цзиньюя.

— Четвертый господин просил лишь об одном: чтобы вы берегли себя. Молодой господин, вы ведь пришли ко мне по какому-то делу? Случилось что-то?

Но у Сяодуна уже не осталось сил жаловаться. Он лишь покачал головой, махнул рукой и побрел прочь.

Вернувшись к себе, он попросил Фэнъэня принести парчовую шкатулку с заколкой из черного нефрита — подарком Гу Цзиньюя. Он долго всматривался в изящное украшение, но так и не

решился вынуть его, бережно закрыл крышку и отложил в сторону.

Обычно шумный и жизнерадостный юноша затих, и даже суровое сердце Фэнъэня дрогнуло от жалости. Он негромко произнес:

— Если вам хочется носить заколку четвертого господина, вы можете надеть ее.

— Не нужно, — Сяодун ладонью прижал крышку шкатулки. — Не хочу навлекать на него новые неприятности. Убери ее обратно.

Фэнъэнь молча повиновался. Сяодун остался сидеть в одиночестве, подперев кулаком щеку. Вдруг к нему неслышно приблизился Фэнхуань. Он был младше своего брата, обладал более нежными, женственными чертами лица и отличался кротким, молчаливым нравом. Его неожиданное появление удивило Сяодуна.

— Фэнхуань? Что-то случилось?

Тот прижал палец к губам и, склонившись к самому уху господина, прошептал:

— Молодой господин, если вам не нравится ваш нынешний служба, позвольте мне стать вашим книгоношей.

Сяодун растерялся:

— Что? Что именно мне не нравится? И зачем тебе это?

Взгляд Фэнхуаня был полон тихой печали и преданности:

— Вы слишком горды, чтобы заискивать перед сильными мира сего, и не сможете вынести этих грязных домогательств и унижений. Позвольте мне занять это место. Я буду сопровождать вас на занятия и приму весь удар на себя.

Сяодун во все глаза уставился на него, не зная, что ответить. Фэнхуань хотел было добавить что-то еще, но в комнату стремительно вернулся Фэнъэнь. Мгновенно оценив обстановку, он начисто лишился своего обычного дружелюбия:

— Фэнхуань!

Младший брат испуганно выпрямился и, едва переставляя одеревеневшие ноги, поспешил к нему, виновато пробормотав:

— Брат...

Фэнъэнь с суровым видом задвинул его себе за спину и сухо поклонился Сяодуну:

— Молодой господин, Фэнхуань — глупый мальчишка, пригодный лишь для простой домашней работы. Он не способен ни помочь вам, ни защитить от беды.

Сяодун наконец пришел в себя и торопливо закивал:

— Да, да, я понимаю. Уведи его. Я хочу немного побыть в тишине и почитать.

Фэнъэнь отвесил еще один поклон и поспешно утащил упирающегося брата прочь.

Сяодун долго смотрел им вслед широкими, не мигающими глазами. Эти двое — уцелевшие осколки некогда великого клана Ань, чудом спасенные из кошмара казенных мастерских. Глядя на них, Сяодун словно читал древний, полный скорби трактат о жестокости этого мира.

Он просидел без движения до самого предвечернего часа шэнь. Наконец, спохватившись, он поднялся и на одной ноге поскакал к выходу. Нужно было успеть до того, как закончатся военные занятия и в жилые покои вернутся его высокородные мучители.

\*\*\*

В час ю, когда солнце уже клонилось к закату, в беседке у ручья за бамбуковой рощей Су Минья заканчивал пейзаж. Он запечатлевал на шелке сочные краски разгара лета, чтобы затем отправить картину в императорский дворец своей старшей сестре, вдовствующей благородной супруге Су. Лишенная возможности покидать дворцовые стены, она находила утешение в его работах. Живопись давалась Су Минье легко — мешала лишь вечная физическая слабость. Сама судьба одарила его щедрее всех сверстников: он обладал божественным талантом художника, безупречным происхождением, но при этом никуда не годным, хрупким здоровьем.

Когда последний штрих лег на полотно, подошедший слуга бережно принял картину и негромко доложил:

— Молодой господин, прибыл господин Гу Шаньцин.

Су Минья, разминавший затекшее запястье, на мгновение замер:

— Как давно он здесь?

Слуга прекрасно знал, что господин не терпит, когда его отвлекают от творчества, а потому ответил:

— Уже около часа.

— И все это время ждал, не уходя?

— Да, сидел тихо, ни о чем не расспрашивал.

Су Минья негромко закашлялся:

— Проводи его сюда.

— Слушаюсь.

Су Минья со слабым вздохом устремил взор на бамбуковую рощу. На эту картину у него ушло больше часа. Приди Сяодун чуть раньше — и он мог бы помочь смешивать краски. Минья с удовольствием бы оставил мазок яркой киновари на его ладони, словно превращая самого юношу в часть своего искусства.

Послышались легкие шаги. После работы Су Минья всегда чувствовал сильное утомление, его грудь разрывал сухой кашель. Шаги приближались, и вот за его спиной оказался тот, кто в последнее время упрямо избегал его общества. Маленькие ладони нежно коснулись его спины, помогая восстановить дыхание:

— Молодой господин Су, вам нездоровится?

Су Минья, слегка задыхаясь, покачал головой и жестом пригласил гостя сесть рядом. Опустив взгляд на его ноги, он спросил:

— Я еще утром заметил, что ты хромаешь. Как твоя нога? Все в порядке?

Сяодун поспешно спрятал ушибленную ступню под подол и весело улыбнулся:

— Да я в полнейшем порядке! Хоть сейчас в пляс!

— Ну, слава богу, — унимая кашель, тихо произнес Су Минья.

Сяодун продолжал бережно растирать ему лопатки, попутно без умолку щебеча о всяких пустяках. Су Минья не стал выдавать, что прекрасно видит его внутреннее напряжение, и лишь мягко откликнулся на его болтовню в перерывах между приступами кашля.

Он во всем потакал Сяодуну: позволял приближаться, терпел его шумное присутствие, прощал внезапные исчезновения и относился к нему как к равному.

Постепенно эта безграничная мягкость возымела действие — Сяодун расслабился. Немного погодя он неловко принялся крутить пальцы, явно стесняясь того, о чем собирался просить.

— Молодой господин Су, я... дело в том, что я...

— Да, я слушаю. Что бы ты ни хотел сказать, говори смело.

Тон Су Миньши был настолько ласковым, что у Сяодуна защемило в глаза. С трудом подбирая слова, он тихо вымолвил:

— Молодой господин Су... Мы могли бы стать настоящими друзьями? В академии впереди еще долгие дни, а мне одному... боюсь, мне не справиться. Ты ведь сам говорил когда-то: если мне понадобится тихая гавань, я могу прийти к тебе.

Договорив, он низко опустил голову и смущенно принялся перебирать пальцы.

Су Миньша заметил, как в уголках глаз Сяодуна заблестели слезинки. Наконец-то он увидел его беззащитным и ранимым — и этот кроткий, беззащитный вид шел ему невероятно.

Пожалуй, даже больше, чем вечная жизнерадостность.

Редкое проявление страданий у столь солнечного и чистого существа подействовало на Су Миньшу подобно дурманящему маковому соку.

Слезы Сяодуна доставили ему изощренное удовольствие. Пылкий смех мальчишки мерк перед этой тихой, безмолвной грустью, которая сейчас так красила его лицо.

— Хорошо.

Сяодун изумленно вскинул на него заплаканные глаза.

— Мы ведь и так давно друзья, — Су Миньша протянул руку и кончиком пальца нежно коснулся кончика его носа. — Просто я очень долго ждал, когда ты сам об этом попросишь.

Длинные ресницы Сяодуна затрепетали, слезы покатались по щекам, и он, не выдержав, разрыдался в голос:

— Прости... Молодой господин Су, я правда не хотел вешать на тебя свои проблемы... Я думал...

— Думал попросить кого-то другого?

— Но вдруг я принесу тебе одни неприятности? — всхлипывал Сяодун.

— Не глупи.

Су Минья бережно стер слезы с его век и мягко обхватил ладонью его лицо. Щеки Сяодуна горели лихорадочным румянцем, на фоне которого тонкие пальцы художника казались мертвенно-белыми.

Мальчишка крепко вцепился в его руку. Вся его минутная слабость бесследно испарилась — теперь он рыдал во всю мощь своих легких и яростно ругался:

— Молодой господин Су, ты даже не представляешь, какие у нас тут выродки водятся! Один укусил меня за шею, а сегодня днем целая банда навалилась и принялась распускать руки! У них точно с головой не все в порядке! Прости меня, я один просто не могу с ними со всеми совладать, вот и прибежал к тебе, совсем стыд потеряв...

От этого оглушительного гвалта у Су Миньи зазвенело в ушах. Недолго думая, он просто прижал плачущего юношу к своей груди.

И весь мир вокруг мгновенно затих.

— Не бойся больше ничего. Отныне я твой единственный защитник, и ни одна тварь не посмеет даже коснуться тебя.

<http://bllate.org/book/20609/2167817>